

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ
ЧАСТИ ЧЕТВЕРТОЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ
В СВЕТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО
СУДА РФ «О ПРИМЕНЕНИИ ЧАСТИ ЧЕТВЕРТОЙ
ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ» ОТ 23.04.2019 № 10**

Александр Петрович Сергеев

*Профессор, доктор юридических наук
НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург
e-mail: apsergeev@hse.ru*

Аннотация. Рассматриваются отдельные актуальные вопросы применения норм части четвертой ГК РФ, которые затронуты в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ (ВС РФ) от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [1]. Критикуется позиция ВС РФ по ряду вопросов, в частности по недопустимости применения по аналогии норм части четвертой ГК РФ для охраны результатов индивидуальной деятельности (РИД) и средств индивидуализации, не предусмотренных части четвертой ГК РФ; обязанности выплаты вознаграждения за сам факт предоставления права использования РИД или средства индивидуализации; невозможности наложения запрета на будущее использовать РИД или средство индивидуализации и др. Поддерживается позиция ВС РФ по поводу допустимости передачи в суд споров соправообладателей об осуществлении и распоряжении исключительным правом; условий снижения размера компенсации ниже низшего предела и др.

Ключевые слова: результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации, лицензионные соглашения, взыскание компенсации, товарные знаки, фирменные наименования.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ (ВС РФ) от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление № 10) затронут ряд актуальных вопросов применения норм части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации [1].

В Постановлении № 10 имеются как полезные разъяснения норм действующего законодательства, так и некоторые, на мой взгляд, ошибочные указания по применению отдельных норм.

В рамках статьи я остановлюсь лишь на тех разделах Постановления № 10, которые посвящены общим вопросам. Тем более, что некоторые разделы Постановления № 10, в частности посвященные, авторскому праву и смежным правам, практически воспроизводят содержание соответствующих разделов Постановления 2009 г., а разделы, посвященные секретам производства, наименованиям мест происхождения товаров, коммерческим обозначениям, на мой взгляд, не заслуживают особого внимания, так как сводятся к пересказу действующих норм и не содержат ничего полезного для правоприменения.

Три первых раздела Постановления № 10 посвящены источникам правового регулирования, процессуальным вопросам и действию положений части четвертой ГК РФ во времени. Применительно к **источникам правового регулирования** представляется важным и полезным прямое указание на то, что к источникам правового регулирования отношений интеллектуальной собственности относится не только ГК РФ, но и *«иные законы и другие правовые акты об интеллектуальных правах»*. Это указание отражает реальное положение дел в законодательстве об интеллектуальной собственности, которое, вопреки одной из концептуальных идей составителей проекта части четвертой ГК РФ, не сводится лишь к тем нормам, которые закреплены частью четвертой ГК РФ.

Разъяснения по процессуальным вопросам, которым посвящены п. 3–23, занимающие несколько страниц, являются достаточно полезными в практическом отношении. В частности, они помогают разобраться в вопросах о подведомственности и подсудности различных споров по поводу интеллектуальных прав, что особенно актуально в условиях проводимой реформы в системе судов общей юрисдикции. Я позволю себе не останавливаться на этой проблеме и просто порекомендую заинтересованным лицам обращаться к этой части Постановления № 10, если у них возникают затруднения с предъявлением исковых требований или обжалованием судебных актов.

Что касается положений, посвященных действию **части четвертой ГК РФ во времени** (п. 24–31), то, по сути дела, они не содержат ничего нового по сравнению с совместным Постановлением 2009 г. и во многом пересказывают содержание Федерального закона «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Более содержательными являются некоторые из разъяснений, посвященных общим положениям части четвертой ГК РФ. Рассмотрим те из них, которые вызывают наибольший интерес.

1. В пунктах 32 и 33 подчеркивается, что, во-первых, *«термином “интеллектуальная собственность” охватываются только сами результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, но не права на них»* и, во-вторых, *«пункт 1 статьи 1225 ГК РФ содержит исчерпывающий перечень результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, которым предоставляется правовая охрана на основании и в порядке, предусмотренных частью четвертой ГК РФ»*.

Собственно, других разъяснений на этот счет было трудно ожидать, поскольку эти положения закреплены в законе. Однако, как я неоднократно писал и продолжаю утверждать, первое из этих положений не соответствует международным нормам, согласно которым интеллектуальными признаются именно права на результаты интеллектуальной деятельности, а не сами эти результаты, а второе положение расходится с правовой реальностью, ибо кроме прямо перечисленных в части четвертой ГК РФ объектов имеются и другие объекты, пользующиеся правовой охраной согласно действующему законодательству. Последнее положение, конечно, известно лицам, готовившим проект Постановления. Поэтому в п. 33 принята попытка решить эту проблему следующим образом: *«...к числу результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, не охраняемых частью четвертой ГК РФ, в частности, относятся доменные имена, наименования некоммерческих организаций наименования (названия) средств массовой информации. Права на них подлежат защите на основании общих положений ГК РФ о способах защиты гражданских прав»*.

Ранее подобное указание содержалось в одной из Справок Суда по интеллектуальным правам. На мой взгляд, к решению этого вопроса следовало подойти иначе. Я не имею в виду отказ от ошибочной позиции по закреплению в ст. 1225 ГК РФ исчерпывающего перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, этого пока трудно ожидать, но я уверен, что рано или поздно это произойдет. Но уже сейчас можно было бы допустить возможность применения соответствующих правил части четвертой ГК РФ по аналогии закона при защите тех объектов интеллектуальной собственности, которые прямо не упомянуты в кодексе.

2. Пункт 35 Постановления содержит разъяснения по поводу невозможности выделения долей в исключительном праве. Собственно, ничего нового в данных разъяснениях нет, поскольку они основываются на позиции законодателя о том, что исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации может принадлежать нескольким лицам совместно, в том числе при переходе по наследству, и, соответственно, у этих лиц нет возможности разделить его на доли или выделить долю в исключительном праве.

Однако наряду с этим в указанном пункте сказано следующее: *«При недостижении соглашения по указанным вопросам спор между соправообладателями об определении порядка **осуществления и распоряжения** правом может быть рассмотрен судом по иску любого из правообладателей»*. При этом дается ссылка на п. 1 ст. 6 (он посвящен аналогии закона) и п. 1 ст. 445 ГК РФ (он посвящен заключению договора в обязательном порядке).

Очень хотелось бы надеяться, что указанное разъяснение направлено на разрешение тупиковой ситуации, когда наследники или другие соправообладатели не могут достигнуть соглашения по вопросам использования и распоряжения исключительным правом. Я всегда считал, что в подобной ситуации налицо спор о праве гражданском, который может быть передан на разрешение суда. Однако на практике, в тех случаях, когда по закону, например, при распоряжении правом, требовалось согласие всех правообладателей, суды отказывали в иске, ссылаясь на необходимость консенсуса.

3. Положения, посвященные распоряжению исключительным правом, хотя и являются достаточно значительными по объему (п. 37–51), не содержит каких-либо принципиально новых разъяснений. Большинство разъяснений, в частности, касающиеся моментов заключения договора об отчуждении исключительного права и лицензионного договора, формы этих договоров, условия о возмездности и др., повторяют те, которые содержались в совместном Постановлении 2009 г. Поэтому отмечу лишь те из них, которые мне показались отчасти новыми и интересными.

Так, весьма любопытным является п. 40, в котором говорится о том, что *«по смыслу закона вознаграждение по возмездному лицензионному договору уплачивается за предоставление права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. В связи с этим лицензиару не может быть отказано в удовлетворении требования о взыскании вознаграждения по мотиву неиспользования лицензиатом соответствующего результата или средства»*. Поэтому если результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации не используется лицензиатом, с него могут быть взысканы убытки.

Однако, как известно, взыскание убытков является мерой гражданско-правовой ответственности, и ее применение возможно лишь при наличии в совокупности ряда условий, в том числе противоправности и вины нарушителя. Следовательно, мы должны признать, что на лицензиате всегда лежит обязанность использовать объект интеллектуальной собственности, даже если это не зафиксировано в лицензионном договоре (т.е. подразумевая обязанность), а также то, что он не выполнил данную обязанность по своей вине.

Оба эти положения вызывают известные сомнения. Во-первых, ничто не мешает сторонам при заключении договора прямо предусмотреть в нем условие об обязанности лицензиата использовать объект интеллектуальной собственности и последствия невыполнения этой обязанности. Если они этого не сделали, то следует исходить из того, что они этого сделать не желали.

Во-вторых, действующее законодательство предусматривает лишь один случай, когда лицензиат обязан начать использовать

объект интеллектуальной собственности не позднее срока, установленного договором. Имеется в виду ст. 1287 ГК РФ, посвященная особым условиям издательского договора. Систематическое толкование позволяет сделать несложный вывод, что во всех остальных лицензионных договорах такая обязанность возлагается на лицензиата только тогда, когда она прямо предусмотрена договором.

4. Раздел, посвященный **общим вопросам защиты интеллектуальных прав**, содержит ряд полезных разъяснений по некоторым процессуальным вопросам, в частности о соотношении административного и судебного порядков защиты интеллектуальных прав (п. 52–53), о надлежащем ответчике (п. 54) и о допустимых доказательствах (п. 55).

4.1. В частности, указывается на то, что *«законом не установлен перечень допустимых доказательств, на основании которых устанавливается факт нарушения. Поэтому при разрешении вопроса о том, имел ли место такой факт, суд вправе принять любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством, в том числе полученные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в частности сети “Интернет”»*.

Факт неправомерного распространения контрафактных материальных носителей в рамках договора розничной купли-продажи может быть установлен не только путем представления кассового или товарного чека или иного документа, подтверждающего оплату товара, а также заслушивания свидетельских показаний (статья 493 ГК РФ), но и на основании иных доказательств, например аудио- или видеозаписи.

Необходимые для дела доказательства могут быть обеспечены нотариусом, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным, в том числе посредством удостоверения содержания сайта в сети “Интернет” по состоянию на определенный момент».

4.2. Представляет интерес разъяснение, содержащееся в п. 57 Постановления № 10. В нем, в частности, говорится, что требование о пресечении действий *«может быть удовлетворено только в том случае, если противоправное поведение конкретного лица еще*

не завершено или имеется угроза нарушения права... Требования об общем запрете конкретному лицу на будущее использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации (например, о запрете размещения информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети "Интернет") также не подлежат удовлетворению. Такой запрет установлен непосредственно законом (абзац третий пункта 1 статьи 1229 ГК РФ)».

Данное разъяснение представляется спорным. Действительно, в законе содержится формальный запрет нарушения интеллектуальных прав. Однако нередко он не является сдерживающим фактором для злостных нарушителей, которые готовы к тому, что к ним могут быть применены санкции, но это их не останавливает. Тем более, что для применения санкций за отдельные нарушения подчас требуются большие временные и интеллектуальные затраты со стороны потерпевших. На практике во многих случаях интерес потерпевших заключается не в том, чтобы наказать нарушителя за уже совершенное правонарушение, а в том, чтобы конкретному лицу были запрещены в будущем подобные действия с возможным применением к нему специальных санкций за невыполнение решения суда.

4.3. В Постановлении № 10 уделено достаточно много внимания такому способу защиты нарушенного исключительного права, как **взыскание компенсации**. На мой взгляд, они не содержат каких-то принципиально новых подходов к взысканию компенсации, а лишь разъясняют отдельные нюансы использования данного способа защиты.

В частности,

А) остается не до конца ясной позиция ВС РФ относительно правовой природы компенсации, поскольку, с одной стороны, указывается на то, что выплаты компенсации потерпевший может требовать вместо возмещения убытков; а с другой стороны, отмечается, что компенсация подлежит взысканию при доказанности факта нарушения, при этом правообладатель не обязан доказывать факт несения убытков и их размер.

Б) разъясняется, что *«вне зависимости от способа расчета суммы компенсации в исковом заявлении должна быть указана це-*

на иска в твердой сумме. Исходя из размера заявленного требования определяется подлежащая уплате государственная пошлина. Если истцом не указан размер требуемой компенсации, суд выносит определение об оставлении соответствующего искового заявления без движения».

В) Заявляя требование о взыскании компенсации в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда, **истец должен представить обоснование размера взыскиваемой суммы, подтверждающее, по его мнению, соразмерность требуемой им суммы компенсации допущенному нарушению, за исключением требования о взыскании компенсации в минимальном размере.**

На мой взгляд, данное разъяснение в известной степени девальвирует положение закона о том, что при взыскании компенсации правообладатель не обязан доказывать факт несения убытков и их размер.

Г) В соответствии с п. 62 *«размер подлежащей взысканию компенсации должен быть обоснован не только потерпевшим, но и судом. При определении размера компенсации суд учитывает, в частности,*

- обстоятельства, связанные с объектом нарушенных прав (например, его известность публике),

- характер допущенного нарушения,

- срок незаконного использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, наличие и степень вины нарушителя (в том числе носило ли нарушение грубый характер, допускалось ли оно неоднократно),

- вероятные имущественные потери правообладателя,

- являлось ли использование результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, права на которые принадлежат другим лицам, существенной частью хозяйственной деятельности нарушителя,

- наконец, суд принимает решение исходя из принципов разумности и справедливости, а также соразмерности компенсации последствиям нарушения».

Д) Пункт 64 Постановления № 10, посвященный возможности **снижения размера компенсации ниже низшего предела**, содержит

несколько иные условия такого снижения по сравнению с теми, которые содержатся в Постановлении Конституционного Суда РФ (КС РФ) от 13.12. 2016 № 28-П [2]. На мой взгляд, они являются более адекватными и разумными, поскольку условия снижения размера компенсации, сформулированные КС РФ, по сути дела, допускают это сделать в крайне редких случаях. Верховный Суд РФ существенно расширил возможность снижения размера компенсации ниже низшего предела. В частности, это возможно, когда одним действием нарушены права:

– *на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, связанных между собой: музыкальное произведение и его фонограмма; произведение и товарный знак, в котором использовано это произведение; товарный знак и наименование места происхождения товара; товарный знак и промышленный образец;*

– *несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, не связанных между собой (например, в случае продажи одним лицом товара с незаконно нанесенными на него разными товарными знаками или распространения материального носителя, в котором выражено несколько разных экземпляров произведений).*

Кроме того, снижение размера компенсации может быть применено также в случаях, когда имеют место несколько правонарушений, совершенных одним лицом в отношении одного результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации и составляющих единый процесс использования объекта (например, воспроизведение произведения и последующее его распространение).

Как видим, в Постановлении № 10, в отличие от Постановления КС РФ, нет никаких ссылок на то, что снижение размера компенсации возможно, если только нарушение исключительного права совершено индивидуальным предпринимателем, нарушение не носило систематического характера, не являлось основной частью предпринимательской деятельности и т.п.

Е) Пункт 69 разъясняет **условия взыскания компенсации, присуждаемой в пользу нескольких правообладателей:**

«При нарушении одним действием исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, принадлежащий не-

скольким лицам (например, соавторам), в случае обращения за защитой нарушенного права всех соавторов суд определяет общий размер компенсации за допущенное нарушение и распределяет взысканную компенсацию между соистцами в равных долях, если соглашением между ними не предусмотрено иное.

Если в суд обратился один из соавторов при нераздельном соавторстве при отсутствии соответствующей доверенности от других соавторов, суд определяет общий размер компенсации за допущенное нарушение, а также какая доля компенсации причитается истцу. При этом иные соавторы привлекаются к участию в деле судом в качестве третьих лиц, сохраняя право на самостоятельный иск».

Вопрос о том, что происходит с остальной частью присужденной судом компенсации, если другие соавторы не требуют ее взыскания, остается неясным.

Д) Полезными представляются разъяснения, касающиеся **нарушения исключительного права различными лицами** (п. 71, 72):

1) в случаях ряда последовательных нарушений исключительного права различными лицами каждое из этих лиц несет самостоятельную ответственность за допущенные нарушения;

2) если одно нарушение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации совершено действиями нескольких лиц *совместно*, такие лица отвечают перед правообладателем солидарно. В данном случае правообладатель вправе требовать уплаты одной компенсации как от всех нарушителей совместно, так и от любого из них в отдельности, причем как полностью, так и в части;

3) распределение ответственности лиц, совместно нарушивших исключительное право, друг перед другом по регрессному обязательству производится в обычном порядке, т.е. в размере, соответствующем *степени вины* каждого из причинителей вреда;

4) при этом *не является обязательным участие* в деле в качестве соответчиков всех лиц, последовательно допустивших различные нарушения исключительного права на результат интеллектуальной деятельности (например, выпуск, оптовую реализацию, розничную продажу контрафактных материальных носителей), а также всех нарушителей при совместном нарушении. Данное разъяс-

яснение, которое, безусловно, облегчает и ускоряет судебный процесс, вызывает сомнение относительно того, согласуется ли оно с основами процессуального законодательства. Насколько я понимаю, последнее не допускает разрешение споров без привлечения к участию в судебном процессе лиц, в отношении которых могут быть применены какие-либо санкции или лишение прав;

Е) В пункте 79 содержатся разъяснения относительно *защиты исключительного права лицензиатами*. В частности, подчеркивается, выступать в защиту права может лишь обладатель исключительной, но не простой лицензии. При этом отмечается, что «*основанием предъявления лицензиатом требования о взыскании компенсации за нарушение исключительного права является нарушение полученных на основании лицензионного договора прав самого лицензиата, а не правообладателя*». Иначе говоря, обладатели исключительной лицензии могут защищать права способами, предусмотренными ст. 1250 и 1252 ГК РФ, лишь в случае, если допущенным нарушением затронуты предоставленные им правомочия по использованию результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации.

На мой взгляд, данное разъяснение носит спорный характер, поскольку создает искусственные препятствия для защиты прав исключительного лицензиата, которому теперь придется доказывать, что правонарушением затронуты именно его права, полученные на основании лицензии. Данный подход был бы оправданным, если бы правом на защиту были наделены обладатели простой лицензии. Однако, как известно, последние лишены такой возможности, что, на мой взгляд, является застарелым недостатком российского законодательства. Верховный Суд РФ вряд ли мог его исправить, поскольку в данном случае нужно изменять норму закона.

Литература

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края».